

РАЗДЕЛ V. Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы

ББК 83.3(2=411.2); 83.3(0)6
УДК 8; 82.06

Е. В. Никольский¹

Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net

Инь Лю²

Юго-Западный университет КНР
liuyin610@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена рассмотрению образов «лишних людей» в русской и китайской литературе XIX–XX столетий. Во вступлении определены наиболее характерные черты (атрибутивные признаки) «лишних людей» в русской классической литературе. Образ «лишнего человека», сложившийся в западноевропейской литературе, во многом близок русскому – это герой, вызванный к жизни «длительным похмельем». После буржуазной революции XVIII в. передовые представители общества разочаровались в возможности социального прогресса (например, в произведениях «Адольф» Б. Констан, «Исповедь сына века» А. де Мюссе). Однако именно противоречия русской и китайской действительности, контраст «цивилизации и рабства», неразвитость общественной жизни выдвинули «лишнего человека» на более видное место, обусловили повышенный драматизм и интенсивность его переживаний и раннюю смерть. В статье проведена сравнительная характеристика героев, представляющих тип «лишнего человека» в произведениях русских авторов и китайских

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

² Лю Инь, кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков Юго-Западного университета КНР и Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР, г. Чунцин, Китай

писателей; выявлены их отличительные черты, обозначена роль процесса европеизации в творчестве китайских писателей. Тип «лишнего человека» был известен в Китае давно, хотя эта тема стала активно развиваться только в начале XX в. Унаследовав образ «лишнего человека» у русских классиков, Юй Дафу и Цюй Цюбо наделили своих героев чертами своего времени. Образы «лишних людей» в русской классической литературе и у китайских авторов имеют и много общего, и свои специфические особенности. Для изучения выбраны разные временные периоды, но типологическое сходство рассматриваемых произведений оказалось очевидным.

Ключевые слова: тип «лишнего человека», литературные типы, сравнительная характеристика героев, китайские писатели Юй Дафу и Цюй Цюбо, европеизация в литературе, сопоставительное литературоведение

Начиная с XIX в. образ «лишнего человека» надолго стал предметом исследования не только русских, но и иностранных писателей. Этот герой, одинокий, отвергнутый обществом или сам отвергший общество, не был только плодом литературной фантазии. Он стал своеобразным болезненным явлением духовной жизни общества, вызванным кризисом общественной системы.

В русской литературе этот образ представлен очень разнообразно. «Лишними людьми» можно назвать, например, романтических героев А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Это страстные, бунтующие натуры, которые мучаются своей двойственностью: они не выносят зависимости, но при этом понимают, что их несвобода – явление духовное, она внутри них.

Вполне закономерно, что любимая тема классической русской литературы была тема «лишнего человека». Если отвлечься от романтики Пушкина и Лермонтова, то проблема была в том, что в огромной России мест для работы образованного человека было мало. Известный философ Василий Розанов по этому поводу вспоминал то горькое чувство, которое он испытал, когда после блестящего окончания университета не смог найти себе место работы, и, отдав последний рубль в какой-то очередной «конторе по приисканию мест», стоял, смотрел на реку и думал, не покончить ли разом... Позже ему с трудом нашли место учителя где-то в провинции.

После 1917 года категория «лишних людей» пропала, почти физически – она пропала как класс. Однако большинство тех, кто даже включился в госструктуры, заняв комиссарские должности, потом,

наедине с собой, не могли понять, чего они бузили, организовывали кружки и просвещали рабочих. Ведь жили себе неплохо, зарабатывали на жизнь, особенно не надрываясь, кто гешефтами, кто журналистикой или еще чем, держали прислугу, ездили в Баден-Баден на воды, а когда особенно остро щемило чувство недовольства, то в Вене, в кафе «Центральное», под шницель и кофе обсуждали контуры будущего переустройства мира.

Во времена СССР с его индустриализацией производство образованных людей резко выросло, а профессия научного работника стала массовой. Однако в результате возник загадочный слой ИТР (инженерно-технический работников), значительная часть которого сидела в «ящиках», которые будто бы занимались научно-технической разработкой военных проектов и за это получали повышенную зарплату. Стандартным обитателем ящика была старая дева с неисправимо испорченным характером, проработавшая, сидя за одним и тем же столом, всю жизнь, но так и не узнавшая, что она должна была делать.

А между тем образ «лишнего человека», возникший в русской литературе под влиянием внешних социально-психологических и отчасти экономических факторов, вышел за пределы художественных произведений, став самостоятельным культурным явлением, что не могло не отразиться и на литературном творчестве писателей других стран, например, Турции [7]. Размышления на тему «лишних людей», на наш взгляд, сегодня не потеряли своей актуальности, о чем свидетельствует и новейшая российская словесность [8].

В современном обществе число таких людей не только не уменьшилось, но, пожалуй, даже увеличилось. На фоне происходящих процессов глобализации, решения проблем в мировом масштабе человек перестает чувствовать собственную значимость как личность. Как и в XIX в., мы часто задаемся вопросами о смысле своего существования, своем месте в этой жизни и т. д. Считаем, что обращение к классическим произведениям и рассмотрение их с современных позиций (в том числе в сопоставительном аспекте) может раскрыть в них новые, ранее не замеченные смыслы. Тем более, что литературоведы все-таки не пришли к единому мнению о типичных качествах (атрибутивных признаках), присущих «лишнему человеку», поскольку данная тема не до конца прошла деидеологизацию и по-прежнему остается «знакомым незнакомцем» (почти как по известной пословице «слышали звон, да не знают, где он»).

Специфика нашего исследования заключается в том, что акцент в нем делается не только на изучении отдельных произведений русских и китайских авторов, раскрывавших тему «лишнего человека», но и на их сопоставлении с точки зрения носителя иной (в нашем случае китайской) лингвокультуры. Это, в свою очередь, помогает раскрыть новые стороны рассматриваемой проблемы, определить национальную специфику образа «лишнего человека».

В литературоведении есть несколько точек зрения относительно того, кто из русских писателей первым ввел понятие образ «лишнего человека» и показал его основные черты. Так, некоторые исследователи считают, что его создал А. И. Герцен. Другие называют автором этого понятия А. С. Пушкина, поскольку в черновом варианте VIII главы «Евгения Онегина» он сам называет своего героя «лишним»: «Онегин как нечто лишнее стоит». Существует версия, что тип «лишнего человека» в русскую литературу ввел И. С. Тургенев.

Мы считаем, что если И. С. Тургенев и не был первым автором, описавшим в своем произведении «лишнего человека», то уж точно он первым дал ему наиболее емкую характеристику, первым точно и досконально описал все черты его характера, поведения и т. д.

«Лишний человек» – социально-психологический тип, нашедший отражение в русской литературе первой половины XIX в. Его главными чертами являются отчуждение от своей страны, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела.

Термин вошел во всеобщее употребление после появления «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева (1850). Однако данный образ сложился гораздо раньше. К «лишним людям» можно отнести Чацкого («Горе от ума» А. С. Грибоедова), Онегина («Евгений Онегин» А. С. Пушкина), Печорина («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова), Бельтова («Кто виноват?» А. И. Герцена).

Быть «лишним» на практике означает не столько быть выше всех в нравственном и духовном плане, становясь так называемым духовным лидером, сколько постоянно оставаться непонятым. Всеми и всегда. Окружающие, даже самые близкие люди, не понимают и никогда не поймут представителя этого типа. Более того, они будут видеть в нем смутьяна-бунтовщика или сумасшедшего и пресекать любые его попытки добиться понимания. Само существование «лишнего» конфликтно, потому что обычные люди ощущают свою духовную неполноценность рядом с ним. Однако они не склонны видеть в этом стимул к самосовершенствованию, поскольку

воспринимают идеи через форму их подачи, а «лишнего человека» – со стороны его психического и телесного облика. Поэтому они стараются вытолкнуть своего антагониста, насколько возможно, за пределы социума, в бездну одиночества. Недаром в лучших произведениях классической русской литературы «лишние» были отвергнуты и наказаны, причем с этой обывательской средой, изображенной как скопище пороков, по-своему солидаризировались и авторы классических текстов: Чацкий был изгнан из Москвы, Онегин покинул Петербург «в минуту, злую для него», Печорин умер, возвращаясь из Персии, Базаров расстался с жизнью, заразившись при вскрытии трупа.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов выступали с резкой критикой «лишних людей», их нерешительности и пассивности. Вместе с тем, они сводили содержание проблемы «лишнего человека» исключительно к теме либерализма, что не может считаться правомерным. В дальнейшем с переоценкой данного понятия выступил и Ф. М. Достоевский, осудив индивидуализм «лишних людей» и оторванность от народной почвы.

Отметим, что литературный тип «лишнего человека», возникнув как переосмысление романтического героя (например, в творчестве А. С. Пушкина), складывался под знаком реалистической портретизации, выявления разности между персонажем и автором. Существенным в раскрытии данной темы был отказ от просветительских установок ради беспристрастного анализа «истории души человеческой» (по выражению М. Ю. Лермонтова), что создавало почву для глубокого психологизма и последующих завоеваний реализма.

Как известно, человек – существо эмоциональное, имеющее душу. Если человек умеет любить, то есть большая вероятность, что он будет счастлив. Ни один герой из галереи «лишних людей» не счастлив в любви. Это о многом говорит. Все они боятся любить, боятся или не могут примириться с окружающей действительностью. Все это очень печально, потому что делает этих людей несчастными. Пропадают зря огромные душевные силы этих героев, их интеллектуальный потенциал.

Алгоритм «лишнего человека», во-первых, сосредоточен не в рамках «быть в обществе – не быть в обществе», а в сугубо внутренних рамках мироощущения. Мотив «лишнего человека» – требовательно ждать от жизни чего-то неоправданного, чрезмерного, но часто неясного самому герою, а не получив «игрушку», – отказаться от жизни вовсе. Увлечение смыслом, значением жизни

без удовлетворения своего неразвитого «Я» – невозможно в силу этой же самой неразвитости. Мотив смерти – это пик развития темы, но поначалу герою было достаточно просто картинно удалиться, неизвестно куда исчезнуть, разорвать все отношения и т. д.

Так кто же такой «лишний человек» в литературных произведениях? Это хорошо образованный, умный, талантливый и чрезвычайно одаренный герой (мужчина), который в силу различных причин (как внешних, так и внутренних) не смог реализовать себя, свои возможности. «Лишний человек» ищет смысл, цель жизни, но не находит ее. Поэтому он растрчивает себя на жизненные мелочи, на развлечения, на страсти, но не чувствует удовлетворения от этого. Часто жизнь «лишнего человека» заканчивается трагически: он погибает или умирает во цвете лет.

Следует определить тематические признаки «лишнего человека». Чаще всего это почти юное создание. Это герой, безусловно, бессемейный (неблагополучными в том числе являются и его отношения с родителями). Его положение в обществе маргинально (неустойчиво, содержит смещения и противоречия): он всегда хоть какой-то стороной связан с дворянством, но уже в период упадка, о славе и богатстве у него скорее осталась только память, при этом он помещен в среду, так или иначе ему чуждую: более высокое или низкое окружение; из этого проистекает мотив отчуждения, не всегда лежащий на поверхности.

Герой в меру образован, но это образование или незавершенное, или несистематическое, или неостребованное и даже забытое; словом, это не глубокий мыслитель, *не ученый*, а человек со «способностью суждения», он может делать скорые, но незрелые заключения. Очень важен в раскрытии этого образа кризис религиозности, но сохранение при этом памяти о религиозных понятиях. Писатели часто изображали не только борьбу с церковностью, но и скрытую неуверенность, привычку к делу Божьему. «Лишний человек» всегда стремится быть судьей и даже вождем своих ближних. Однако при этом в его действиях можно усмотреть оттенок ненависти. Часто он обладает даром красноречия, умениями в письме, ведет записки или даже пишет стихи. Данный герой обладает развитым внутренним миром, лихорадочным, населенным химерами, который, однако, при общем хаосе становится его «убежищем», где он скрывается от конфликтов в отношениях с ближними.

Проанализировав определенный литературный пласт [7; 8; 9] из русской и не только классической словесности, нам удалось выделить следующие типологические черты рассматриваемого образа:

1. герой является представителем дворянского сословия;
2. герой получил хорошее образование, чувствует свое превосходство над остальными, но не может применить полученные знания на практике (расхождение слова и дела);
3. герой предъявляет к жизни завышенные требования, а при их невыполнении способен отказаться от жизни;
4. герой ощущает свою отчужденность, он пытается отыскать свое место в жизни, но так и не находит;
5. герой во многом автобиографичен, писатель изображает типичных представителей собственного поколения;
6. герой несчастлив в любви, любовь становится для него испытанием, которое он не выдерживает;
7. героя ожидает трагическая гибель.

Далее рассмотрим, насколько выделенные нами черты реализуются в произведениях китайских авторов.

Тип «лишнего человека» был известен в Китае давно, хотя эта тема стала активно развиваться только в начале XX в.

Так, в китайской притче о Лун Шу и врачевателе Вэнь Чжи, приведенной в книге Ле Цзы, можно найти признаки конфликта «лишнего человека» с социумом [3]. Подобно Грибоедовскому Чацкому и Лермонтовскому Печорину в минуты их душевной слабости, Лун Шу воспринимает свое отношение к себе и к миру как болезнь. Перечисляя симптомы своего недуга, он демонстрирует черты мировоззрения и личности, которые спустя много веков окажутся присущими «лишним людям» в классической русской литературе: «Я не считаю для себя почетом, если в округе меня хвалят, и не считаю позором для себя, если все люди в царстве осуждают меня. Я не радуюсь, если достигаю успеха, и не переживаю, если терплю неудачу. Я равнодушно взираю на жизнь и смерть, богатство и бедность, на людей и свиней, на себя и других. В родном доме живу как на постоялом дворе, на соседей смотрю как на дикарей из дальних стран. Меня нельзя прельстить чином или наградой, нельзя запугать наказанием и поборами, нельзя изменить благоденствием или смутой, выгодой или убытком, нельзя взволновать радостями и печалью. Из-за этого я не могу служить государю, ладить с родственниками и друзьями, наставлять жену и детей, повелевать слугами. Что это за болезнь?» [3].

Главной идеей приведенного размышления героя выступает констатация того факта, что обладание разумом ставит личность не просто над обществом, но вне его. В этой связи любопытна фигура Вэнь Чжи. Его профессия предполагает публичность, тогда

как по своему духовному статусу он – прототип «лишнего человека», вернее, даже «нового лишнего», поскольку мудрый врачеватель сумел преодолеть свою социальную отчужденность. Так китайская притча, появившаяся приблизительно во II в. до н. э., вступает в диалог с русской литературой XIX в. [2; 3].

Лун Шу признает духовное превосходство Вэнь Чжи над собой, обращаясь к нему за помощью и отмечая, что врачеватель «постиг все тонкости своего искусства» [3]. Дистанцию между ними обозначает и сам Вэнь Чжи, когда утверждает, что Лун Шу «почти мудрец», т. е. не достиг предельной вершины и указывает на его заблуждение: отношение к мудрости как к болезни. И все же в притче о Лун Шу и Вэнь Чжи имеются характерные детали, свидетельствующие о том, что эти персонажи не относятся к типу «лишних людей», а представляют собой их прообразы. Так, при всем его уме и глубокой конфликтности отношений с окружающими, Лун Шу по-обывательски социоцентричен и по-восточному лукав. Недостойно «лишнего» надеяться на разрешение своих проблем извне и сокрушаться о невозможности служить власти и повелевать людьми. Кроме того, Лун Шу не так невозмутим, как заявляет, стало быть, и не совсем правдив. Его озабоченность собственным состоянием разоблачительна и говорит о желании стать подобным человеческой массе [3].

«Лишний человек» в китайской литературе – это тоже представитель интеллигенции, но не аристократической. В отличие от русского «лишнего человека», его китайский собрат происходит из бедной семьи. Он занимает как бы промежуточное положение между западной культурой (которую воспринимает как современную) и традиционной китайской культурой и нигде не находит места. Таким образом, герой китайской литературы не похож на Онегина, имеющего дворянский титул, не похож на Обломова, который может целыми днями лежать на диване, предаваясь своим мечтам и не беспокоясь о хлебе насущном; не похож он и на Рудина, имеющего твердое желание действовать во имя достижения идеалов, но не способного воплотить свои стремления на практике. Однако, несмотря на эти различия, образы «лишнего человека» в русской и китайской литературах имеют и ряд схожих черт. Эти герои попадают в конфликтную ситуацию, они не могут найти себе места в обществе, оказываются отвергнутыми социумом.

Среди разнообразных образов «лишних людей» в китайской литературе, созданных под влиянием образов «лишних людей»

из русской литературы, образ «лишнего человека» в прозе Юй Дафу¹ (1895-1945) является наиболее типичным.

В начале XX в. китайский писатель Юй Дафу познакомился с творчеством И. С. Тургенева. Он написал: «В мире так много современных или древних, китайских или зарубежных, известных или неизвестных писателей. Я думаю, что самым прекрасным, самым известным из них, с чьими произведениями я долго работал, безусловно, был И. С. Тургенев. С него началась моя читательская и творческая жизнь» [15].

Самым любимым произведением И. С. Тургенева у Юй Дафу был «Дневник лишнего человека». Он произвело на китайского писателя такое сильно впечатление, что тот перевел его на китайский язык, а затем приступил к собственному творчеству, в котором отражалась главная тема повести Тургенева – тема «лишнего человека». Несколько позже произведения, посвященные данной теме, стали появляться в китайской литературе в большом количестве, как ростки после дождя: «Таверна», «Дневник уродливого человека» (Лу Сюнь); Трилогия «Водоворот» (Ба Цзинь); «Ни Хюаньчжи» (Е Шэнтао) и др. Вполне можно считать, что образ «лишнего человека» в истории русской литературы и образ «лишнего человека», созданный Юй Дафу, имеют и сходства, и свои отличительные особенности. Юй Дафу является автором более пятидесяти прозаических произведений. Современные исследователи сходятся во мнении, что эти тексты можно разделить на две большие группы, в соответствии с их основной тематикой.

¹ Юй Дафу, китайский писатель, поэт, публицист. В 1922 г. окончил экономический факультет Токийского университета. Участник движения «Четвертого мая». В 1921 г. стал одним из основателей общества «Творчество» («Чуанцао»), редактировал ряд его изданий. В 1930 г. вступил в Лигу левых писателей Китая, в 1932 г. – в Китайскую лигу защиты прав народа, но затем отошел от общественной деятельности. В годы антияпонской войны (1937–1945) включился в патриотическую борьбу как публицист, редактор и пропагандист – сначала в Ухани, а с 1938 г. – в Сингапуре. После захвата города японцами бежал в Индонезию, где продолжал выступать против захватчиков, однако был схвачен японской жандармерией и тайно умерщвлен уже после окончания войны. Автор повести «Омут» (1921), сборников «Остывший пепел», «Журиное ребро», «Прошлое», повестей «Поздние цветы коричневого дерева», «Автобиография», «Побег», путевых записок, критических статей, переводов. В повести «Чэнь лунь» («Омут»), с необычной для того времени откровенностью, раскрыты переживания китайского юноши в Японии. Героями последующих многочисленных повестей, сборников рассказов и эссеистической прозы – «Ми Ян» («Заблудшая овца», 1926), «Та ши игэ жо ньюцзы» («Она – слабая женщина», 1931) и др. – являются как изображенные с сочувствием представители низов общества, так и интеллигенты. В большинстве своем они страдают от неприкаянности, от своей невостребованности в отсталом Китае. Проза автора отличается тонкостью психологического рисунка, отточенностью стиля, она часто мрачна по колориту, за что критика упрекала писателя в декадентских настроениях.

Во-первых, в его творчестве выделяются социально-ориентированные произведения, центральной темой которых становится изучение различных аспектов общественной жизни (например, «Весенние ночи» (1923), «Скудное жертвоприношение» (1924), «Снежное утро» (1927) и др.). В этих рассказах Юй Дафу представлял внешние и внутренние облики людей, относящихся к низшим слоям общества, выступал с обвинением против уродливого общественного строя, основанного на угнетении простого народа. Во-вторых, принято выделять группу его автобиографических произведений. Юй Дафу – первый из китайских литераторов, трактовавший литературные произведения как творческое и социальное самовыражение писателя [13, 38], что напрямую связано с его своеобразным взглядом на литературу и искусство [13, 113]. Ведь его проза также является отражением и духовного мира самого писателя [10, 85].

В его прозе отразился духовный облик, собственный жизненный опыт, в том числе его жизнь в Японии (например, в рассказах «Серебристо-серая смерть» (1920), «Омут» (1921), «Юг» (1921) и др.), возвращение на родину и трудные поиски заработка (например, в рассказах «Кровавые слезы» (1922), «Бескрайняя ночь» (1922), в повести «Осенняя ива» (1922) и др.). В этих произведениях писатель не только воспроизводил историю своей жизни, но и подвергал собственный опыт всестороннему анализу, раскрашивал его выразительными средствами художественной речи.

Юй Дафу читал русских писателей во время учебы в Японии, поэтому он глубоко постиг феномен «лишнего человека» в русской литературе.

Юй Дафу употребил этот термин в сборнике произведений «Омела и плющ», который был завершен им в 1920-х годах после того, как он закончил десятилетнее обучение в Японии и вернулся в Китай. Герои автобиографических произведений Юй Дафу представляли собой обнищавших молодых интеллигентов, которые были угнетены и подавлены социумом. Именно эти молодые люди с депрессией являлись «лишними людьми» того времени.

С некоторой условностью можно сказать, что это китайская версия образа «лишнего человека» из русской литературы. Этот тип получил и второе название «нулевые люди». Оба типа («нулевые люди» Юй Дафу и русские «лишние люди») имеют немало общих характерных черт: при резких социальных противоречиях общества они, в отличие от большинства своих современников, впавших в духовное оцепенение, искали возможности перемен. Они всегда пытались реализовать свою мечту о реформе в рамках существующей системы. Однако эти «лишние люди» были одинаково бездеятельны

и чувствовали себя одинокими и беспомощными. Все они пытались пропагандировать «передовые» идеологии в своих странах (в России и в Китае), но никто на их зов не откликнулся. Таким образом, они не могли реализовать свои идеалы на практике.

Больные социальные системы не позволяли им освободиться, и, наконец, они начали сомневаться в глубинном смысле собственного существования.

В русской литературе «лишние люди» были несовместимы с условностями высшего класса. Будучи урожденными дворянами, они не могли «спуститься» в низы общества. Таким образом, с сильными чувствами ответственности и одиночества они были «изгнаны из мира».

В романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» главный герой разлюбил светскую жизнь Петербурга и решительно переехал в деревню.

А Бельтов из романа А. И. Герцена «Кто виноват» первоначально обладал отличным талантом и великими амбициями, но как только он вошел в общество, повсюду потерпел фиаско. Он вынужден был стать «лишним человеком». В лирико-психологическом романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин был офицером русской армии, обладал блестящим умом. Однако, чтобы он ни делал, он не мог избавиться от ощущения собственной ничтожности. Рудин – главный герой одноименного романа И. С. Тургенева, по характеру был умный, доброжелательный, жаждущий правды и стремящийся к славе. Но из-за отсутствия решимости в своем характере и из-за того, что был отделен от людей, он везде сталкивался с неудачей. В отчаянии он вынужден был признать свое «ненужное» и «неполезное» существование. Обломов – герой одноименного романа И. А. Гончарова. Он был хорошо образован, талантлив и умен. Однако долговременный паразитический образ жизни лишил его жизненных навыков.

Итак, мысли и действия русских «лишних людей» не совпадали, их ментальность была несовместима с реальностью. Они чувствовали боль, когда находились в конфликте. Когда все их борьба претерпела неудачу, «лишние люди» начали уходить со сцены истории, уничтожив себя.

Как и в русской литературе, «лишние люди» у Юй Дафу также испытывали чувство тоски. Они осуждали хмурую реальность и использовали различные нетипичные виды поведения для того, чтобы сопротивляться неправде мира. Можно сказать, что именно эпоха превратила жизнь «лишнего человека» в драму.

«Лишние люди» в произведениях Юй Дафу, как «лишние люди» в русской классической литературе, получили прекрасное образование.

Они учились за пределами своей страны. Изучив философию, получив знания о новейших достижениях науки и техники, они вернулись на родину с надеждой, что это поможет им в жизни. Но общество встретило их враждебно. Тогдашнее китайское общество не понимало истинного значения науки. На взгляд обывателей и представителей пролетариата, все эти знания являлись ничем иным, как пылью. Китайское общество, стоявшее на пороге европеизации, было одержимо только идеей наживы. Именно это обстоятельство и определило дальнейшие судьбы героев Юй Дафу, заставив ощущать себя лишними.

Так, герой рассказа «Омела и плющ» (1923), приехав в Шанхай, долгие месяцы бродил по городу под палящим солнцем в поисках работы, но нигде не мог задержаться. Причинами отказа, как он сам говорил, было то, что он не стал социально значимым и не адаптировался к сложившимся реалиям, либо начальству не нравился его характер, либо он сам не желал льстить начальству. В итоге он так и не смог найти работу, у него не было денег, чтобы вернуться домой, и ему пришлось остаться в чужом городе. Мать героя говорила ему так: «Если и возвращаться в родной город, то только известным и успешным. Если не получилось стать таким, то и возвращаться не стоит» [15, 213].

Таким образом, герой ощущал себя «лишним». Помимо самоуничтожения героя, на формирование его характера и отношения к окружающей действительности повлияли его постоянные конфликты с женой. В прошлом герой подвергался издевательствам со стороны окружающих и общества, но ему не хватало смелости, чтобы дать отпор тем, кто его обижал. И тогда герой стал вымещать свою злобу на жене. Он говорил ей: «Ты умрешь! А когда ты умрешь, у нас будет свет. Зачем я работал, как вол? Если я буду одиноким, разве я не смогу пойти, куда захочу? Зачем я выполнял такую тяжелую работу в этом безжизненном месте? А все потому, что я знал – ты сидишь дома. Но ты не живешь! Ты живой труп! Для чего ты живешь в этом мире?» [15, 226].

Однако поскольку его жена была послушной, кроткой, трудолюбивой, никогда ему не перечила, герой начинал испытывать сильные угрызения совести, и его чувство собственного достоинства опять страдало. В силу этого он боялся идти домой. Герой сам неоднократно называл себя «лишним человеком», постоянно задумывался о смысле своего существования. Но в этих размышлениях он сталкивался со множеством противоречий и не смог отыскать выход из сложившейся ситуации.

Герои Юй Дафу не могли найти пристанища ни на родине, ни в какой-либо другой стране. Когда они пребывали в чужой стране, то находились в слабой позиции – подвергались дискриминации и оскорблениям. Например, герой, у которого нет имени (его называют просто «он»), из рассказа «Омут». Когда кто-то обращался к нему с вопросом: «Как поживаете?», – он чувствовал, что его ведут на эшафот, лицо его заливалось краской, он испытывал страшную панику. Это было связано в том числе и с тем, что герой жил в Японии, а там к представителям китайского народа относились с нескрываемым пренебрежением. Герой несколько раз говорил, что ощущает себя очень одиноким. Это, прежде всего, было связано с тем, что он не имел никакого статуса ни на своей родине, ни за ее пределами. При этом он понимал, что даже полученные знания окажутся бесполезными. Он говорил: «Китай – моя родина. Я не могу больше терпеть» [16, 45]. Двойственность героя заключается в том, что, с одной стороны, он являлся настоящим патриотом, любил свою страну, но с другой – эта любовь не могла принести ему счастья в реальном мире. Он ничего не мог сделать ни для страны, ни для своей семьи. Действие в романе длится год. К концу этого года герой оказался настолько истощен морально и физически, что решил покончить жизнь самоубийством – утонуть в море. Стоя на берегу, смотря в сторону своей родины, испытывая безграничное отчаяние, герой кричит: «Да, родина, родина! Ты убила меня! Разбогатеть может только тот, кто окажется сильнее. У меня осталось много детей, и они тоже будут страдать!»

«Лишние люди» не находили себе место ни в прогрессивном, ни в китайском традиционном обществе. Они были маргинальны. Дух их был слаб, они не умели общаться с другими и даже не знали самих себя. Они жили в обществе, где была жестокая конкуренция. Каждый боролся за свое место под солнцем. И герои в этой борьбе проигрывали, потому что не обладали необходимыми знаниями и умениями. Если они не могли измениться внутренне, то и внешние обстоятельства своей жизни они не были в состоянии переменить, а значит – не были в состоянии выжить. Все, чем они обладали, весь багаж знаний, превращался в балласт, который только мешал им продвигаться вперед.

Мы можем представить себе, что, если Юй Дафу никогда не был бы в Японии, он не написал бы такое произведение, как «Омут», он бессознательно сдался бы китайской традиционной модели человеческих отношений. Именно он «выпрыгнул» из рабства традиционных этических ценностей и посмотрел на себя в другом культурном контексте и в иной системе ценностей, чтобы исследовать

человеческую природу, которая игнорировалась самим человеком в традиционалистском Китае [14, 159]. С помощью типа «лишнего человека» Юй Дафу представил свою экзистенциальную дилемму и попытался исследовать внутренний мир населения Китая того времени. Феномен «лишний человек» в произведениях Юй Дафу и в русской литературе является продуктом социальной среды. Это показывает, что и Российская империя, и Поднебесная не смогли обеспечить оптимальную среду для людей со свободолобивыми мыслями.

Однако существуют и различия между «лишними людьми» у Юй Дафу и у русских классиков. Различные типы национальных культур и разные социально-исторические ситуации заставили интеллигентов двух стран выбрать разные пути во время пробуждения самосознания после того, как они испытали тревоги и беспокойство за социальные ситуации внутри своих стран.

Обе империи пережили глубокий кризис, но Россия начала процесс европеизации раньше Китая. Еще в начале XVIII века Император Петр Великий прорубил «окно» в Европу. Вторжение Наполеона в 1812 году и восстание декабристов 1825 года вызвали большой шок в русском обществе. В XIX веке западная культура и идеологические течения стали быстро распространяться в России. Несмотря на то, что эти люди были лишены общества и «выродились» в «лишних людей», они всегда пытались найти свою позицию в социуме.

Онегин, можно сказать, воплотил в себе черты дворянской молодежи того времени: хотел обрести смысл жизни, но не смог найти цель жизни и ощущал свою никчемность. А. И. Герцен назвал молодого человека такого типа «лишним человеком», который никогда не встал на сторону правительства, но и никогда не был на стороне людей. «Лишний человек», созданный Лермонтовым в романе «Герой нашего времени», относился к 30-м годам XIX века. «Лишний человек» по-прежнему представлял собой сочетание противоречий и конфликтов. С одной стороны, он жаждал жизни, имел сильную страсть к жизни. С другой стороны, он потерял уверенность в жизни и часто внезапно становился безразличным и крайне ненормальным. Главный герой в романе «Рудин» – самая представительная фигура. Он с энтузиазмом посвящал себя общественной жизни и вел борьбу с консерваторами. Однако по происхождению он был дворянином и не мог взять на себя задачу реформирования общества. В период Обломова энтузиазм и убеждения ранних «лишних людей» были задушены темным обществом. «Лишние люди» потеряли все жизненные силы и ушли с исторической арены.

Китай был не так независим, как Россия, которая сама решила «пригласить» западную культуру в свою страну. Процесс вестернизации в Китае осуществлялся жестоким и безумным образом. Хотя Китай – большая страна, он был «фрагментирован» под пушками западных держав. Опиумная война 1840 года превратила Китай в полуколониальную страну. Острые внутренние и внешние проблемы, низкий международный статус, феодальные пережитки, отставание в науке и невероятно низкий уровень жизни народа были характерными чертами китайского общества в то время.

Причины появления феномена «лишнего человека» в китайской словесности многогранны. Страна была унижена и оскорблена. Менталитет слабой страны придал китайским интеллигентам острое чувство собственной неполноценности. «Они родились в старом обществе <...>. Они были амбициозными. У них были желания сделать страну сильнее, но не знали, какими способами. И в конечном итоге стали лишними и несчастными» [1, 248].

Отсталость страны стала основанием для представителей китайской интеллигенции убеждать от реальности. Например, в конце рассказа «Омут» герой оказался настолько истощен морально и физически, что решил покончить жизнь самоубийством – утонуть в море. Стоя на берегу, смотря в сторону своей родины, испытывая безграничное отчаяние, герой закричал: «Родина! Моя Родина! Вы виноваты в моей смерти. Вы разбогатеете, укрепитесь! Ведь у вас там еще много страдающих детей...» [16, 102]. Современные читатели не понимают, почему многие герои Юй Дафу всегда кричали: «родина, родина». Ведь внутренняя эмоция является личным делом человека, и причем здесь его отношения со страной проживания? Но «для поколения писателя личность и страна были неотделимы, как плоть и кровь. Люди были сильно привязаны к стране и обществу» [13, 77].

Если в русской литературе приоритет всегда отдавался интеллектуально-культурному (в старой терминологии – духовному) развитию личности, то в произведениях Юй Дафу особое место занимала и материальная сторона жизни. Это тесно связано с действительностью тогдашнего Китая. Юй Дафу пережил необычный жизненный путь, полный противоречий, лишений и унижений. Когда ему было три года, у него умер отец, и семье было трудно сводить концы с концами. В подростковом возрасте он пытался использовать все возможности для получения образования, вместе с братом учился в Японии, но и там они были ограничены в средствах. Именно это стало характерной чертой практически всех главных героев романов писателя: от «Он» в дебютном рассказе «Серебристо-

серая смерть» (1920), до «Я» в рассказе «Омела и плющ»; от «Я» в рассказе «Весенние ночи» (1923) до Чжэн Сююэ и У Ишу в повести «Она слабая женщина» (1932).

В его произведениях, несмотря на то, что для героев-интеллигентов духовное стало более важной составляющей мира, их жизнь была связана с несчастьем, страданием и материальными проблемами. Герои Юй Дафу не смогли изменить свою судьбу и вынуждены были бороться за свою жизнь. «Лишние люди» у Юй Дафу были несовместимы с реальностью тогдашнего Китая. Они предпочитали быть бедными и самодостаточными, чем вступать в сговор с силами тьмы.

В рассказе «Серебристо-серая смерть» безымянный герой, обозначенный местоимением *Он*, жил в доме друга, где не было даже печки. А там, где нет печки, – нет жизни. В середине ночи *Он* не хотел туда возвращаться, а предпочитал оставаться на станции, потому что там он нашел тепло – бесплатно грелся у костра. Писателем постоянно подчеркивалось, что герой вел строгий учет собственных средств: «Осталось лишь пять юаней...» [17, 13]; продал старые книги и получил «больше девяти юаней» [17, 24]. Его волновали конкретные, сиюминутные потребности и вопросы (ужин, подарки), которые не терпели отлагательств.

В рассказе «Омела и плющ» герой, обозначенный местоимением *Я*, столкнулся с мрачной реальностью, из-за чего ему пришлось отказаться от своих идеалов. Когда у него не оказалось денег, он был вынужден продать всю свою дорогую одежду, но при этом пытался сохранить подарок, который он вез своей жене. Однако ему пришлось его продать за какую-то незначительную сумму, чтобы покрыть свои дорожные расходы.

В рассказе «Весенние ночи» герой, которого также звали *Я*, был вынужден постоянно менять место жительства, потому что плата за квартиру постоянно росла и становилась ему не по карману. Наконец, он поселился в трущобах, в маленькой комнате. У него не было подходящей одежды, поэтому он боялся выходить на улицу днем. Он покидал свою комнатку лишь по вечерам.

В повести же «Она слабая женщина» героиня Чжэн Сююэ вышла замуж за У Ишу, после чего они также столкнулись с финансовыми трудностями, потому что У Ишу внезапно потерял работу. Затем началась война с Японией, во время которой героиня влюбилась в учителя Чжана Кана. Но этот человек постоянно был недоволен жизнью, он постоянно злился на всех и вся. Жизненные

трудности и душевные страдания нанесли этой героине сокрушительный удар.

Герои Юй Дафу вызывали и вызывают у читателей сочувствие. Это по-настоящему «лишние люди» в своей эпохе.

У русских писателей в жизни почти каждого «лишнего человека» была необычная женщина. Они либо были возлюбленные, либо оказывались духовными сестрами «лишних людей». Перед лицом любви эгоистичные и безразличные «лишние люди» морально уступали женщинам, которые умели искренне и самозабвенно любить. Отличные душевные качества, свойственные этим женщинам, – это то, чего не хватало «лишним людям». Любовная трагедия показала и объявила конец исторической судьбы «лишних людей».

Значительным элементом для создания образа «лишнего человека» Юй Дафу стала любовная линия. Но в отличие от любви «лишних людей» в русской литературе, на любовь «лишних людей» Юй Дафу оказало вредное воздействие китайская идеология: идея о полном подавлении сексуальности, отраженная в традиционной мысли, сковала их жизнь. В то же время герои были сентиментальны, одиноки и чувствительны. Они постоянно признавали себя негодными для жизни.

Среди исследователей существует мнение, что Юй Дафу является мастером психологических описаний. При этом он описывает патологические и измененные состояния психики. Депрессия – это одно из важных душевных состояний «лишнего человека» [5, 182]. *Он* в рассказе «Омут» страдал депрессией из-за пробуждения сексуального сознания и отсутствия какого-либо опыта в этой сфере. *Он* в рассказе «Серебристо-серая смерть» также умер в одиночестве, не испытав любви в различных ее проявлениях. Итак, депрессия на данной почве и печаль от самой жизни стали еще одной причиной трагедии «лишних людей».

Так, в повести «Осенняя ива» описывалась история полевых командиров, которые участвовали в репрессиях против участников студенческого движения. Когда они не могли справиться с отрицательными эмоциями, то пользовались услугами женщин легкого поведения, чтобы снять напряжение. Главный герой отправлялся к девушке по имени Хай Тан. Но из текста становится известно, что и сама Хай Тан выбрала такую профессию не от хорошей жизни. Она не могла переломить свою судьбу и жалела себя.

В рассказе «Омут» герой в ненормальном состоянии высказал такую мысль: «Я прошу любовь... Я прошу любовь женщин... Дайте мне Еву. Я буду рад, когда ее душа и тело станут принадлежать мне» [16, 47].

Юй Дафу показывал, какие трудности испытывал «лишний человек», когда влюблялся, и к чему это приводило. В рассказе «Омела и плющ» герой признался: «Я покинул страну в семнадцать лет и прожил в чужой стране восемь лет. В течение этих восьми лет даже на летних и зимних каникулах я не возвращался в Китай. Знаете почему? Потому что я решил противостоять старомодному браку, назначенному родителями только по своей воле. Это не ваша вина, и я не виноват. Виноваты ваши родители и моя мать» [15, 206]. Герой женился только потому, что родители жены на этом каждый день настаивали, и его собственная мать убеждала его со слезами на глазах. Иными словами, это был не его выбор, это было навязанное решение, которое не принесло ему счастья. Эти строки вызывают у читателя множество негативных эмоций и приводят к мысли о том, что герой жил в большом, изуродованном обществе, которое постоянно уродовало и молодежь.

Юй Дафу считал, что в обществе, где человека постоянно угнетали, даже такое светлое чувство, как любовь, деформировалось и деградировало. При этом писатель показал процесс этой деформации именно с психологической стороны.

Юй Дафу стал одним из свидетелей эпохи страданий и потрясений. По его мнению, сама эпоха, само общество искажали взгляды «лишних людей» на любовь. И поэтому жизнь казалась им бессмысленной трагедией. Писатель обличал общественное зло – ту болезненную среду, которая приводила к «выгоранию» душ героев. Он резко обнажал бесчеловечность феодальной этики, нарушающей естественный, природный ход вещей, в результате чего души людей дробились, теряли целостность. Но, что интересно, и сами герои, уже изменившись, не могли представить себе другой жизни, они впадали в депрессию, но это ненормальное состояние даже начинало им нравиться. В итоге, попав под гнет этого общества, «лишние люди» разочаровались в реальности. Они постепенно уставали от одиночества и именно поэтому стремились к различным метаморфозам, которые приводили к деградации его личности.

Проанализировав творчество русских писателей XIX века и китайского писателя начала XX века Юй Дафу, мы пришли к выводу, что унаследовав образ «лишнего человека» у русских классиков, Юй Дафу наделил своих героев чертами своего времени. Образы «лишних людей» в русской классической литературе и у китайского писателя Юй Дафу имеют и много общего, и свои специфические особенности. В своих автобиографических романах писатель не просто рассказывает,

копирует историю своей жизни, он подвергает собственный опыт доскональному анализу, художественно приукрашивая.

Главным персонажем его произведений становится незадачливый, угрюмый молодой интеллигент, не имеющий чувства собственного достоинства. Он, как и сам автор, анализирует свои поступки, выступает с критикой собственных романтических настроений. Именно этот герой и является воплощением образа «лишнего человека». Юй Дафу создает целую плеяду «лишних людей» в своих произведениях, таких как герой без имени (просто *Он*) в романе «Утонувший», Ижэ в романе «Юг», Юй Чифу в романах «Бескрайняя ночь» и «Колокольчик», Ли Боши в романе «Прошлое», Ван Чэши в романе «Заблудшая овца» и др. Несомненно, созданные Юй Дафу образы занимают важное место не только в китайской, но и в мировой литературе. Проанализировав указанные романы, мы выделили следующие характерные черты образа «лишнего человека»:

1. «Лишний человек» живет в нищете, находится на краю гибели, вынужден бороться за свою жизнь.

Если в русской литературе приоритет всегда отдавался интеллектуально-культурному (в старой терминологии – духовному) развитию личности, то в китайской литературе особое место занимает и материальная сторона жизни. Однако герой-интеллигент, для которого духовная жизнь становится более важной, в современной китайской литературе (в отличие от русской) всегда связан с нищетой и несчастьем.

Герои Юй Дафу не смогли изменить свою судьбу и разбогатеть. Сам автор также постоянно испытывал нужду. Именно это стало характерной чертой судеб практически всех главных героев романов писателя. Все они – молодые интеллектуалы, представители духовной интеллигенции, вынужденные бороться с нищетой. Так, в романе «Серебристо-серая смерть» герой восклицает: «Ах! Ах! Я так долго учился, но до сих пор еще не смог сделать большую карьеру. У меня есть только несколько юаней. А вчера отправила мне деньги. Но что я могу сделать матери? Что могу сделать для семьи?»

Герои романов Юй Дафу вызывали и вызывают у читателей сочувствие. Это по-настоящему «лишние люди» в своей эпохе. В современной жизни обычный человек уже редко сталкивается с голодом, нехваткой самых необходимых вещей, например, одежды. Именно поэтому современные читатели при знакомстве с произведениями Юй Дафу испытывают шок. Но при этом автор не ставит своей целью укорить читателей в чем-либо, он, наоборот,

хочет, чтобы его героями восхищались – восхищались тем мужеством и оптимизмом, которые они проявляют в столь тяжелых условиях жизни.

2. «Лишний человек» живет на стыке двух культур – китайской и европейской – и из-за этого не может найти свое место в жизни.

Как и в русской литературе, в китайской «лишний человек» также испытывал чувство тоски, даже (если так можно выразиться) социальной тоски. Он чувствовал себя марионеткой, которая находится в руках судьбы. И поэтому жизнь казалась ему бессмысленной трагедией. Можно сказать, что именно эпоха превратила его жизнь в драму.

«Лишние люди» в произведениях Юй Дафу получили прекрасное образование. Они учились за пределами своей страны, в иностранных колледжах и университетах, окончили их с отличием. Изучив западную мысль, получив знания о новейших достижениях науки и техники, они возвращаются на родину с надеждой, что это поможет им выбраться из бедности.

Эти герои, которые одновременно наделены большими возможностями и слабым характером, который мешает им сделать то, о чем они мечтают. Именно поэтому они оказываются уязвимыми – у них нет уверенности в завтрашнем дне, а значит, нет мужества продолжать бороться с трудностями. Они и страдают от осознания своей бесполезности, и обвиняют общество в своих неудачах. «Что такое счастье? Что такое богатая и сильная страна? Все мы только звери. Если человек, похожий на меня, окажется в моей ситуации, он тоже ничего не сможет сделать. Что можно придумать? Что делать?»

Эти «лишние люди» не находят себе место ни в западном (прогрессивном), ни в китайском (традиционном) обществе. Они маргинальны. Дух их слаб, они не умеют общаться с другими и даже не знают самих себя. Они живут в обществе, где есть жестокая конкуренция. Каждый борется за свое место под солнцем. И герои в этой борьбе проигрывают, потому что не обладают необходимыми знаниями и умениями.

Если они не могут измениться внутренне, то и внешние обстоятельства своей жизни они переменить не в состоянии, а значит – не в состоянии выжить. Все, чем они обладают, весь багаж знаний, превращается в балласт, который только мешает им продвигаться вперед.

3. Эпоха, само общество оказывают на «лишнего человека» большое влияние, деформируют и корежат его внутренний мир.

Значительным элементом для создания образа «лишнего человека» является любовная линия. В юности он всегда испытывает любовную тоску, страдает. И страдания эти вызваны тем, что его сознание уже оказывается раздвоенным между старой (китайской) и новой (европейской) культурами. Как известно, отношение к любви, браку и в принципе к взаимоотношениям мужчины и женщины в этих культурах разное. Юй Дафу делает особый акцент на данных моментах.

В целом, положение лишних людей у Юй Дафу значительно трагичнее, чем в русской классике.

Рассмотрим интересующий нас литературный тип в произведении Цюй Цюбо¹ «Лишние слова». Эта повесть была написана, когда ее автор находился в тюрьме и ожидал казни. В ней он подводит итог своей жизни, раскрывает свои убеждения и т. д.

¹ Цюй Цюбо (1899- 1935), китайский публицист, прозаик и литературный критик, пропагандист марксизма, общественный деятель. Один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая на ранних этапах её существования. Дважды занимал пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая (с июля 1927 года по июль 1928 года и с сентября 1930 года по январь 1931 года). В 1935 году был арестован и казнён гоминьдановцами. На родине Цюй Цюбо в г. Чанчжоу построен его мавзолей. Во время «Культурной революции» (1966-1977) резкой критике подвергся т. н. «левацкий путчизм» автора, а его могила в сентябре 1967 г. была осквернена хунвэйбинами. Реабилитирован в октябре 1980 г. специальным решением ЦК КПК. Автор большого количества статей, брошюр и лекций по проблемам революции и рабочего движения в Китае. Является одним из первых китайских журналистов, рассказавших о жизни молодой Советской России, где он встречался с В. Лениным и А. Луначарским, посетил похороны П. Кропоткина и дом-музей Л. Толстого в Ясной Поляне. Позднее обобщил свой опыт в книгах «Путевые записки о новой России» (1922) и «Впечатления о “Красной столице”» (1924). Внес заметный вклад в популяризацию в Китае русской классической и советской литературы: написал статьи «О “Повестях Белкина” Пушкина» (1920), «Русская литература до “Октябрьской революции”» (1927), переводил произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, М. Горького, А. Луначарского, Ф. Гладкова и др. Кроме того, перевел на китайский язык ряд работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Автор ранней версии китайского латинизированного алфавита. Одно из самых известных произведений поэта – «Песнь красного прибора», которое является откровенным призывом к борьбе, наполнено пафосными восклицаниями и новыми образами. Среди поэтических произведений автора: «Месяц», «Осень», «Море», «Снега России» (написано под впечатлением от пребывания в Сибири) и др. В поисках новых выразительных средств поэт сделал прием художественного преувеличения неотъемлемой частью своей творческой манеры. Широко использовал преувеличения расстояния. Достаточно распространенной в поэзии автора стала гипербола «десять тысяч». Употребляя такое преувеличение, поэт использует различные меры длины. Удачно применяет художественное преувеличение, внося разнообразие поэтических приемов, стремясь передать настроения, эмоции, рожденные новой эпохой. После смерти был возведен в ранг героев коммунистического движения Китая. Входит в официальный список «100 величайших деятелей нового Китая» (2009).

Именно в этой книге сам автор называет себя «лишним человеком». Эта идея подтверждается следующими выводами: герой четко отдает себе отчет, что он живет в переломную, переходную эпоху и при этом жаждет социальных преобразований.

Главный герой произведения (как и сам автор) – это талантливый человек, который не смог реализовать все свои возможности и таланты. И именно поэтому в повести субъективный идеал героя и объективная реальность, в которой он существует, резко противопоставлены друг другу. Герой беспокоится, что он попусту тратит свою жизнь, чувствует, что все его надежды никогда не осуществятся, что он проиграл в борьбе с обществом.

Сам писатель на основании своего жизненного опыта воспринимает себя как типичного представителя китайских интеллектуалов, на развитие личности которых социальная и культурная среда оказала большое влияние. Он также оказался между старой и новой культурой. С одной стороны, он интересовался традиционной китайской литературой, с другой стороны, он жил в эпоху, когда все рамки и границы были открыты, так что в Китай стали проникать различные идеи, настроения и из других стран. Цюй Цюбо особенно стал интересоваться русской жизнью, литературой и культурой. Больше всего его привлекало стремление русских писателей к нравственному совершенствованию, а также глубокое религиозное чувство, которое они испытывали.

Именно поэтому в его жизни «сердце» и «разум» часто вступали в конфликт. Он много путешествовал, но так и не смог найти своего места в жизни. Это вызывало в нем чувства смятения, тревоги, горечи. Он писал: «Я жертва европейской и китайской культур, я «внутренне несогласован», я чувствую столкновение реальности и мои романтических представлений о мире... Социальная беспомощность истощает мою жизненную силу, я лишний человек. Это моя исповедь. Мне грустно. Я считал себя необычным человеком, но оглянулся назад и понял, что это не так. Смешно, смешно...»

Цюй Цюбо не просто так называет себя «лишним человеком». Он глубоко и тщательно изучал психологические особенности этого типа героев и сравнивал их с собственным характером, с собственным жизненным опытом. Именно поэтому он ощущает себя частью китайской интеллигенции, которая живет в переходный период, полный внутренних противоречий и переживаний.

Наибольший интерес в повести «Лишние слова» представляет тема социального самоопределения героя, его социальной самоидентификации. Читателю кажется, что «лишний человек»

как будто находит свое место в жизни. Так, господин Цюй думал, что самыми главными ролями в его жизни были роли писателя и государственного деятеля. На этом основывается его самоанализ. Обе эти роли были неразрывно связаны с Россией, что не могло нас не заинтересовать. Но при этом до конца определиться с тем, какая же из ролей, какой вид деятельности для него является наиболее важным, он не смог (хотя мы считаем, что писательская деятельность была ему ближе). В повести писатель анализирует отличие между идеалом и реальностью и делает акцент именно на своей писательской деятельности, чтобы хоть как-то смягчить свое разочарование в деятельности политической.

Таким образом, найти свое место, свою социальную нишу в обществе он так и не сумел. Об этом свидетельствуют его собственные слова в повести о том, что он часто испытывал тревогу, «руками делал одно, но думал совершенно о другом», «часто играл какую-то роль», а это значит, что он не мог быть самим собой, его истинное «я» было скрыто (пожалуй, даже от него самого). Он задается вопросом: «Какой же настоящий «я»?»

В повести «Лишние слова» Цюй Цюбо раскрываются три основных момента, в силу которых герой утверждается в мысли, что он «лишний человек».

Во-первых, он оказался «лишним» для коммунистической партии. Герой (и сам писатель) был руководителем коммунистической партии Китая, но так и не смог хоть немного изменить общество. У него было множество идей, которые он так и не смог реализовать. Во-вторых, он оказался «лишним» для литературы. Несмотря на неослабевающий интерес к литературной деятельности, он так и не смог добиться выдающихся результатов в этой области.

В-третьих, он оказался «лишним» для собственной жены. Они очень редко общались, и Цюй Цюбо так и не смог выразить свои чувства к жене.

На наш взгляд, это произведение было написано под влиянием русской литературы (Цюй Цюбо был хорошо с ней знаком). Эту мысль можно подтвердить, например, тем, что по своему внутреннему миру герой повести очень похож на тип «лишнего человека», представленный в русской литературе. Он также стремится к духовному, нравственному идеалу, как и русские писатели.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в данном произведении также раскрывается образ «лишнего человека» и он полностью соответствует тем характерным чертам, что были выделены нами ранее при анализе творчества Юй Дафу.

Проанализировав творчество казенных китайских писателей Юй Дафу и Цюй Цюбо, мы пришли к выводу, что образ «лишнего человека» в китайской литературе имеет свои специфические особенности.

1. Герой всегда находится в затруднительном материальном положении, он очень беден, борется с нищетой.

2. Герой постоянно пытается как-то изменить свое положение, но у него ничего не получается, тем не менее он старается не терять оптимизма.

3. При этом у героя нет чувства собственного достоинства, у него низкая самооценка, часто он занимается самоуничижением, но при этом все своих неудач винит общество и страну, которая не дает ему возможности реализовать себя.

4. Герой живет на стыке двух культур, он маргинал, он не принадлежит ни к традиционной китайской, ни к прогрессивной европейской культуре.

5. Определяющее влияние на судьбу героя оказывает общество, в котором он живет, оно изменяет внутренний мир героя.

6. У героя два выхода: либо умереть, либо измениться (интеллектуально-культурная деградация).

Итак, нами проанализированы образы «лишних людей» в произведениях русской классической литературы в сопоставлении с героями произведений китайских авторов. Хотя для изучения мы выбрали разные временные периоды, типологическое сходство рассматриваемых произведений оказалось очевидным.

Несмотря на национально-специфические особенности реализации образа «лишнего человека» в произведениях авторов двух стран, все-таки можно выделить типологические черты, позволяющие относить этих героев в одну группу:

1. герой очень молод, полон сил, но все его начинания наталкиваются на непонимание со стороны окружающих;

2. герой получил хорошее образование, чувствует свое превосходство над остальными, но не может применить полученные знания на практике (расхождение слова и дела);

3. герой ощущает свою отчужденность, он пытается найти свое место в жизни, но так и не находит;

4. герой во многом автобиографичен, писатель изображает типичных представителей собственного поколения;

5. герой несчастлив в любви, любовь становится для него испытанием, которое он не выдерживает;

6. героя ожидает трагическая гибель.

В заключении отметим, что тип «лишнего человека» привлекал не только русских и китайских писателей, но и писателей по всему миру, например, в романе нобелевского лауреата Орхана Памука «Снег» [7]. Данный тип сложился в западноевропейской литературе, во многом близок русскому – это герой, вызванный к жизни «длительным похмельем». После Французской революции XVIII в. некоторые представители общества разочаровались в возможности социального прогресса (что нашло свое отражение, например, в произведениях «Адольф» Б. Констана, «Исповедь сына века» А. де Мюссе). Однако именно противоречия русской и китайской действительности, контраст «цивилизации и рабства», изъяны общественной жизни, торжество безмозглого конформизма и отсутствие религиозного утешения, выдвинули «лишнего человека» на более видное место, обусловили повышенный драматизм, интенсивность его переживаний и раннюю смерть.

Литература

1. Ван, Мэн, Лю, Бин. Менталитет слабых в прозе Юй Дафу. Жэбэй // Академический журнал. – 2013. – Т. 33. – Вып. 6. – С. 248. (王梦, 刘斌, 郁达夫小说创作中的“弱者”心态, 河北学刊, 2013年第33卷第6期)
2. Горбачев, А. Ю. Даосская притча в переключке китайской и русской культур // Беларусь – Китай: Сборник научных трудов. – Вып. 8. Китай в современном мире. – Минск: Издательский центр БГУ, 2010. – С. 293–297.
3. Горбачев, А. Ю. Концепт «лишнего человека»: русская и восточная версии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.bsu.by/documents/index.php>.
4. Киевич, А. В., Король О. В Евразийская интеграция: этапы становления перспективы развития // Экономические науки. – 2016. – № 134. – С. 123–129.
5. Ли, Чуньзе. Психология декаданса и дух просвещения – анализ духовной психологии образа «нулевого человека»: сборник произведений Юй Дафу «Омут» // Литература и искусство. – 2014. – № 5. – С. 182. (李春杰, 颓废心理与启蒙精神 – 《沉沦》零余者形象的精神心理分析. 文艺争鸣, 2014年第5期)
6. Никольский, Е. В. Еще раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе // Art Logos. – 2017. – № 2 (2). – С. 7–23.
7. Никольский, Е. В. Образ «лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» // Studia Humanitatis. – № 3. – 2016. – С. 6.

8. Никольский, Е. В. Проблема «лишнего человека» в романе Алексея Иванова «Ненастье» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст материалы XXI международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 272–282.

9. Никольский, Е. В., Кравцов, А. Н. Точки схождения и разбега: «лишний человек» в русской классической литературе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28. – № 2. – С. 156–168.

10. Ся, Дэюн. Путь домой – Культурная атрибуция романов Юй Дафу // Исследование китайской литературы. – 2005. – № 3. – С. 85. (夏德勇, 回家之路—郁达夫小说的文化归属, 中国文学研究, 2005年第3期)

11. Хуан, Чэндзи. Об эстетике «маленьких людей» в произведениях Юй Дафу // Теория литературы и критика. – 2011. – № 4. – С. 113. (黄承基, 论郁达夫小说之小人物审美, 文艺理论与批评, 2011年第4期)

12. Цзя, Чжэньюн. Юй Дафу: Травма, самость, инициатива // Ежемесячник «Изучение творчества Лу Синя». – 2014. – № 8. – С. 77. (贾振勇, 郁达夫: 创伤·自我·先驱, 鲁迅研究月刊, 2014年第8期)

13. Чжан, Сюэлянь. Кризис самоидентификации (идентичности) – Одинокий и странствующий Ю. Дафу в двух культурах // Шаньдун: социальные науки. – 2004. – Вып. 11. – С. 38. (张雪莲, 自我身份(认同)危机—两种文化中的孤独者和漫游者郁达夫, 山东社会科学, 2004年第11期)

14. Чэн, Юаньту. О выражении духовной дилеммы в произведениях Юй Дафу // Литература и искусство. – 2016. – № 2. – С. 159. (程远图, 论郁达夫小说中精神困境的表达, 文艺争鸣, 2016第2期)

15. Юй, Дафу. Омела и плющ // Весенние ночи (сборник прозаических произведений Юй Дафу). – Аньхой: Издательство «Художественной литературы», 2015. – С. 213. [郁达夫, 莠萝行//春风沉醉的晚上(郁达夫小说精选集), 安徽文艺出版社, 2015]

16. Юй, Дафу. Омут // Весенние ночи. – Пекин: Совместная издательская компания, 2016. – С. 45. (郁达夫, 沉沦//春风沉醉的晚上, 北京联合出版公司, 2016)

17. Юй, Дафу. Серебристо-серая смерть // Весенние ночи. – Хунань: Издательство «Художественной литературы», 2011. – С. 13. (郁达夫, 银灰色的死//春风春醉的晚上, 湖南文艺出版社, 2011)

References

1. Van, Men, Lyu Bin. Mentalitet slabyh v proze Yuj Dafu. Zhebej // Akademicheskij zhurnal. – 2013. – T. 33. – Vyp. 6. – S. 248. (王梦, 刘斌, 郁达夫小说创作中的“弱者”心态, 河北学刊, 2013年第33卷第6期)
2. Gorbachev, A. Yu. Daosskaya pritcha v pereklichke kitajskoj i russkoj kul'tur // Belarus' – Kitaj: Sbornik nauchnyh trudov. – Vyp. 8. Kitaj v sovremennom mire. – Minsk: Izdatel'skij centr BGU, 2010. – S. 293–297.
3. Gorbachev, A. Yu. Koncept «lishnego cheloveka»: russkaya i vostochnaya versii. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.philology.bsu.by/documents/index.php>.
4. Kievich, A. V., Korol' O. V Evrazijskaya integraciya: etapy stanovleniyai perspektivy razvitiya // Ekonomicheskie nauki. – 2016. – № 134. – S. 123–129.
5. Li, CHun'cze. Psihologiya dekadansa i duh prosveshcheniya – analiz duhovnoj psihologii obraza «nulevogo cheloveka»: sbornik proizvedenij Yuj Dafu «Omut » // Literatura i iskusstvo. – 2014. – №5. – S. 182. (李春杰, 颓废心理与启蒙精神 – 《沉沦》零余者形象的精神心理分析. 文艺争鸣, 2014年第5期)
6. Nikol'skij, E. V. Eshchyo raz o probleme «lishnego cheloveka» v russkoj klassicheskoj literature // Art Logos. – 2017. – № 2 (2). – S. 7–23.
7. Nikol'skij, E. V. Obraz «lishnego cheloveka» v kontekste problematiki romana Orhana Pamuka «Sneg» // Studia Humanitatis. – № 3. – 2016.
8. Nikol'skij, E. V. Problema «lishnego cheloveka» v romane Alekseya Ivanova «Nenast'e» // Pushkinskie chteniya – 2016. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst materialy XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Sankt-Peterbrg: LGU im. A. S. Pushkina, 2016. – S. 272–282.
9. Nikol'skij, E. V., Kravcov, A. N. Tochki skhozhdeniya i razbega: «lishnij chelovek» v russkoj klassicheskoj literature // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. – 2018. – T. 28. – № 2. – S. 156–168.
10. Sya, Deyun. Put' domoj – Kul'turnaya atribuciya romanov Yuj Dafu // Issledovanie kitajskoj literatury. – 2005. – № 3. – S. 85. (夏德勇, 回家之路—郁达夫小说的文化归属, 中国文学研究, 2005年第3期)
11. Huan, Chendzi. Ob estetike «malen'kih lyudej» v proizvedeniyah Yuj Dafu // Teoriya literatury i kritika. – 2011. – № 4. –

S. 113. (黄承基, 论郁达夫小说之小人物审美, 文艺理论与批评, 2011年第4期)

12. Czya, Chzhen'yun. Yuj Dafu: Travma, samost', iniciativa // Ezhemesyachnik «Izuchenie tvorchestva Lu Sinya». – 2014. – № 8. – S. 77.

(贾振勇, 郁达夫: 创伤·自我·先驱, 鲁迅研究月刊, 2014年第8期)

13. Chzhan, Syuelyan'. Krizis samoidentifikacii (identichnosti) – Odinokij i stranstvuy ushchij Yu Dafu v dvuh kul'turah // Shan'dun: social'nye nauki. – 2004. – Vyp.11. – S. 38. (张雪莲, 自我身份(认同)危机 – 两种文化中的孤独者和漫游者郁达夫, 山东社会科学, 2004年第11期)

14. Chen, Yuan'tu. O vyrazhenii duhovnoj dilemmy v proizvedeniyah YUj Dafu // Literatura i iskusstvo. – 2016. – № 2. – S. 159.

(程远图, 论郁达夫小说中精神困境的表达, 文艺争鸣, 2016年第2期)

15. Yuj, Dafu. Omela i plyushch // Vesennie nochi (sbornik prozaicheskikh proizvedenij Yuj Dafu). – An'hoj: Izdatel'stvo «Hudozhestvennoj literatury», 2015. – S. 213. [郁达夫, 莼萝行//春风沉醉的晚上(郁达夫小说精选集), 安徽文艺出版社, 2015]

16. Yuj, Dafu. Omut // Vesennie nochi. – Pekin: Sovmestnaya izdatel'skaya kompaniya, 2016. – S. 45. (郁达夫, 沉沦//春风沉醉的晚上, 北京联合出版公司, 2016)

17. Yuj, Dafu. Serebristo-seraya smert' // Vesennie nochi. – Hunan': Izdatel'stvo «Hudozhestvennoj literatury», 2011. – S.13 (郁达夫, 银灰色的死//春风春醉的晚上, 湖南文艺出版社, 2011)

INTERPRETATION OF THE "SUPERFLUOUS MAN"
IN RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE:
THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, doctor of theology, master
of religious studies, expert of the scientific and publishing
Council for the publication of the Full collection of the creation
by St. Theophanes, the Recluse,
Carpathian University named after Augustine Voloshin
(Uzhgorod, Ukraine)

Liu Yin

Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages of Southwest University of China and the Center for the Study of Russian-speaking Countries of Southwest University under the Ministry of Education of China (Chongqing, China)

Abstract

The article is devoted to consideration of the images of "superfluous men" in the Chinese and Russian literature of the XIX - XX centuries. In the introduction the most characteristic features (attributive signs) of "superfluous people" in the Russian classical literature are defined. The image of the "extra person", formed in Western European literature, is largely close to the Russian – a hero, caused by a "long hangover". After the bourgeois revolution of the XVIII century advanced the society was disappointed in the possibility of social progress (e.g., in the works of Adolf B. constant, "the Confession of a child of the century" by A. de Musset). However, the contradictions of Russian life, the contrast of "civilization and slavery", the lack of development of public life put forward the "superfluous man" in a more prominent position, has caused an increased drama and intensity of his experiences. Next, a comparative description of the characters representing the type of "extra person" in the works of Russian authors and Chinese writers; identified their distinctive features, the role of the process of Europeanization in the works of Chinese writers.

Keywords: type of "superfluous person", literary types, comparative characteristics of heroes, Chinese writers Cyuj Cyubo, Yu Dafu, Europeanization in literature, comparative literature

Поступила в редакцию 30.03.2019